

Анна Кудрина

Турнал

Глава 1

Ночь накрыла аул чёрным пологом, словно шёлковый платок изящную голову горянки. Под таким покрывалом селение мирно спало, словно ребёнок в тёплых и надёжных руках матери. Аулу нечего было бояться, ибо даже природа была на его стороне: вокруг вековые леса да непреступные горы. Только свой ведал заповедную тропу в эту укрытую от враждебных глаз долину. Посему никто не ждал подвоха, и даже охрану, несмотря на тревожное время, в ауле не выставляли. Жители по старинке заботу о себе отдавали на откуп собственному особому горскому чутью, которое, как известно, не позволяло врагу подкрасться незамеченным даже, казалось, к крепко спящему человеку.

Аул был небольшой с типичной хаотичной и плотной застройкой. Сакли вроде и не жались друг к другу, но и не сторонились каменным забралом; так, небольшой частокол да узкая тропка отделяли один дом от другого. Где-то посреди аула с высокой горы можно было рассмотреть проплешину; нынче ночь оно выделялось чернильной кляксой на исписанном каракулями листе. Это место цивилизованный европеец мог бы назвать площадью, а любой местный житель именовал его не иначе как годеканом. Вытоптаный неровный овал на земной поверхности, куда стекались жители аула, чтобы увидеть и услышать всё то самое главное, что только и могло происходить в окружающем их мире. То мог быть сельский сход для решения насущной задачи, или пустая забава-игра между юношами. Именно здесь останавливала свой лихой бег партия, вернувшаяся издалека, и теперь хваставшаяся перед сельчанами своей знатной добычей; иль, может быть, - неслыханное дело! - признающаяся перед всеми в своём позоре, коли имеет, конечно, в запасе оправдание по сему событию. Аль, может, это гость почётный приехал, а то и не один. Надо поспешить на годекан, а то уведут побыстрее в дом, в который ты не хож. Придётся тогда ловить слухи и тем утешить свой любопытство. А может это голос муллы взывает с площади к народу? То ли облегчить страдания земные святым словом, то ли воззвать к чему-либо. Конечно, именно годекан был местом проведения всенародного праздника. Да и много чего ещё происходило на этом месте, которое, подобно сердцу человеческому, которое отбивало ритм жизни аула.

Вокруг годекана, под группами деревьев, раскиданных тут и сям, располагались места для сидения, которые в данном селении представляли собой внушительные валуны. словно одно время здесь позабавился сам горный великан, приглашённый несмышлёными мальчишками на свои игры. Он ушёл, не убравши за собой, а жителям уж было не под силу навести здесь порядок. За камнями да деревьями стыдливо прятались аккуратные белёсые сакли. Да ещё, пожалуй, стоит отметить в левом углу площади каменный столб, украшенный какими затейливыми знаками. Это есть солнечные часы, по которым жители издревле отмечали время дня.

В оправе безлунной ночи площадь казалось адским провалом, где вместо дна можно было лицезреть только бесконечную черноту. Со стороны могло даже показаться, что домики, словно обуянные внезапным страхом, всем скопом шарахнулись прочь от края ямы. Вместе с валунами, деревьями и прочей растительностью.

Но дно у этого «провала» было. Маленькая такая выбоинка на отполированной поверхности. На окраине площади, недалече от указанного столба, была вырыта яма, которая в эту ночь скрадывалась в всеобщей угольной черноте. В этой-то яме и томился пленник. Маялся он там так долго, что на него перестали обращать внимание даже мальчишки-сорванцы. Им наскучило заглядывать к нему и выкидывать всякие шалости, которые взрослые, с одной стороны, не одобряли, но с другой и не запрещали. Пленник давно стал обузой аулу, но старшина отчего-то никак не мог решить его судьбу. Да, при поимке все надеялись на большой куш в виде большой телеги серебра, так как разведка донесла информацию о знатности пленника. Но на деле оказалось, что сей человек - гол, как сокол. А строптивость и недюжинная сила пойманного отвадили от него всех потенциальных покупателей, и никто из горцев так и не решился его купить даже по цене ломанной серебряной монеты. Поэтому-то он и был кинут в яму до поры до времени. Время же текло, как буйная горная река, а счастливая оказия всё не шла. Пленник таял не по дням, а по часам, и уже перестал представлять хоть какую-то ценность, но старшина всё почему-то медлил с законным судом над пойманным врагом. словно нарочно ждал его смерти, чтобы тем самым проблема решилась самой собой.

Глубина ямы, в которую поместили ятника, была всего в 4 аршина. В середине её был вкопан толстый столб, к которому приковали силача, чтобы он не посмел сбежать, пока решается его судьба. Для подстилки ему кинули пук соломы. Верх ямы горцы закрыли толстой доской с небольшим отверстием для воздуха в центре.

Теснота узилища и оковы не позволяли пленнику толком размять затёкшие члены. Каждый вынужденный поворот тела всегда сопровождался тихим печальным лязгом кандалов. Рубище, надетое на него вместо мундира, не согревало тело, а солома давно сгнила. Новую же никто кинуть так и не удосужился. Но пленник уже давно перестал чувствовать холод. Чувства притупились, и он уже не обращал внимание на погодные неудобства. Время утекало, вместе с ним уходили и силы; вслед за ними обеими, как телега со скарбом, собранная для переезда, тянулась надежда. Давно уже узник ждал только конца всей этой затянувшейся истории. А финал-то был известен. По местному обычаю пленник должен был предстать на позорное место перед всеми жителями аула. Там его ждало дерево, которое и должно было стать его эшафотом. Но не быстрая виселица ожидала пленника. Ятника надобно было к дереву привязать, а после каждый из присутствующих на этом суде, не исключая и детей, обязан был подойти к осуждённому и нанести ему не смертельный, но мучительный удар кинжалом. И так до тех пор, пока, наконец, не потухнет последняя искра жизни в его теле.

Узник глянул наверх, но там была только чернота. «В аду ли я уже? Или всё ещё на земле, и избавление мне только кажется?» – мелькнуло у него в голове, прежде чем он забылся тяжким сном. На этот раз дремота оказалась недолгой. Какое-то внутреннее неуловимое беспокойство заставило пленника вновь открыть глаза. Он опять посмотрел наверх, и ему показалось, что ночь стала ещё темнее, как будто это было вообще возможно. «Я брежу», - успокоил он себя, и снова закрыл глаза. Но этой ночью ему явно неданно было выспаться. В очередной раз за ночь он был разбужен - на сей раз лёгким потрескиванием. Пленник прислушался и с удивлением осознал, что доски, которыми наглухо была заделана яма, срывают. Делалось это ловко, споро и почти неслышно. Миг и вход в яму был свободен. Пленник попытался было подняться, чтобы понять, что же происходит, но хлынувший поток свежего воздуха в смрадную яму тут же поверг несчастного в обморок. Меж тем к нему вниз спрыгнул некто, и, придвинув пленника к стене узилища, ловко освободил его цепей. Они, словно лёгкий шёлк, беззвучно растеклись вокруг столба. После неизвестный обмотал верёвкой находившегося в беспомощности человека, ловко вылез обратно наверх, а после уже вытащил свою добычу наружу.

Похититель не стал тратить время на то, чтобы привести пленника в чувство. Он наспех прикрыл досками вход в уже пустую яму, а после перекинул свою добычу через плечо и был таков.

В потаённом месте на окраине аула для них уже была припасена лошадь. Она спокойно стояла, ожидая хозяина, и при его приближении даже не фыркнула от радости, не мотнула головой или тем паче не топнула копытом. Тишина не была нарушена. Мужчина положил пленника на землю. Тут же, не теряя времени, спаситель наспех обтёр заранее собранной травой лежащего перед ним мужчину, а после окатил водой. Несчастный было открыл глаза, но от бесцеремонного обращения и слишком быстрых движений снова впал в забытие. А спаситель, не обращая внимание на состоянии ятника, молча делал своё дело. Приглушив въевшийся смрад, он переложил мужчину на расстеленную бурку, завернул его в неё и скрутил для верности арканом. После взбросил свою ношу на лошадь. А после и сам вскочил в седло, и тут же прибавил ходу, скрываясь в ночном лесу. Прибраться за собой он и не подумал.

Почувствовав теплоту лошади и свежий ветер на лице, несчастный наконец пришёл в себя. Он попыталось было двинуться, но быстро осознал, что он спелёнат, как младенец. В его положении он не мог видеть, а лишь ощущать. А чуял он только бешенный галоп лошади. От такой перемены – от неподвижности к движению – у него снова захватило дух, и он опять потерял сознание.

Стоит думать, что только ловкость и знание позволяли наезднику не сбиться в тёмном густом лесу с еле заметной тропинки, которую не каждая сова и приметит. Да и заодно уклониться от очередной ветки, что так и норовила остановить стремительный бег статного рысака. Или успеть перескочить корягу, внезапно вырисовавшейся на пути. Пленник же всю дорогу пробыл в забытии.

Так прошла ночь и вот на горизонте развиделся рассвет. Всадник со своей ношей приблизился к просеке, созданной руками человека. Послышался близкий хруст веток. Мужчина остановился и прислушался. Хруст повторился. Всадник довольно улыбнулся и спешил. Аккуратно сняв поклажу, он подошёл к краю просеки и положил её так, чтобы проезжающие по ней точно бы наткнулись на такой «подарок». После он вскочил на лошадь и звонко гикнул. В предрассветной тишине леса этот звук разлетелся, как эхо от ружейного выстрела, и пару сонных птиц слетело с веток, своим недовольным чириканьем оглашая окрестности. Со стороны хрустящих веток в ещё сонном лесу чётко слышался металлический лязг. Всадник снова довольно улыбнулся и скрылся в том направлении, откуда и пожаловал.

Казачий дозор, услышав горский гик среди деревьев, ринулся на звук не раздумывая. Как же тут мешкать, коли их бивуак туточки, неподалёку!

Вот как раз расположился у подножия горы, за крепкими стенами которой прятался непреступный аул Чоага-юрт. Его уже долго пытались призвать к порядку, но строптивые жители никак не желали покориться русской власти. Пользуясь своей неприступностью, чоагаевцы надеялись отстоять свою вольную жизнь. Но ермоловская система не ведала преград – ни человеческих, ни природных. Если надо было навязать цивилизацию горцам силой, так тому и быть. И вот так медленно, но верно, русские приближали час, когда и эта горская твердыня падёт, как и другие до неё, к ногам Российской империи.

Так что в такой ситуации мешкать было нельзя. Горский гик мог означать только одно: «Налёт». Хотя это и не было в обыкновении у горских народов – нападение на рассвете. Как настоящие хищники, они предпочитали прятаться за чёрным щитом ночи. Но чем чёрт не шутит! Вдруг, якая новая тактика, особая хитрость...

Несмотря на поспешность, казачий дозор был настороже. Он сначала окружил место, где послышался горский гик, кольцом. Потом, зорко смотря по сторонам, стали сжимать его, приближаясь к искомой точке. Человека, издавшего тот странный гик, они так не заметили, но на земле, на краю просеки, увидели свёрнутую тёмную бурку, перевязанную арканом. Свёрток был так аккуратен, словно перед ними лежало только что рождённое дорогое дитя, заботливо завернутое в покрывало.

Казачи удивленно переглянулись и подошли к свёртку. Один из вояк осторожно ткнул его пикой, но ничего не случилось.

- Что за диво дивное?! - гаркнул один казак, в задумчивости накручивая ус.

- Это что ж за подарок такой? – словно надеясь услышать ответ, вслух сказал другой.

- Эх, что ж вы медлите! – возопил горячий на действия Семён Галушко и тут же выхватил свою верную шашку. Он тут же не раздумывая ринулся к свёртку, намереваясь разрубить путы, а, может, и саму бурку – для верности.

- Постой-ка, не горячись! – восковой старшина Дурында успел схватить Семёна за руку. – Успеешь ещё применить свою шашку в деле. Тут по уму надо действовать.

Галушко нехотя водворил оружие на место, и отошёл в сторону. На его лице явственно читалось недовольство тем, что его остановили. Восковой старшина погрозил ему пудовым кулаком, и молвил:

- Да уж... Вот так одолжили! Этого мне ещё не хватало, - старшина задумчиво почесал затылок. – И что прикажете делать с этим? – Дурында посмотрел на казаков, на лицах которых читалось лишь недоумение от

происходящего. - Значит так, молодцы, слушайте мою команду, - все присутствующие казаки нехотя отвели взор от интригующего всех свёртка. - Ноздря и Кривошея остаются на месте, за дорогим подарочком смотреть. И не баловать мне тут! Бурку не трогать, а то я быстро отучу охотничков мне перечить, - тут старшина скосил взгляд на Галушко. - И ворон не считайте тут! – на сей раз он строго посмотрел на остающийся караул. - А остальные идут прочёсывать местность. Не сам же он сюда пришёл, свёрток этот? Давайте, столбом не стойте! Давайте пошырстим там да сям, не хватало нам какой-нибудь неприятности.

Разведка результатов не принесла. Вокруг было ни души. Только всякая лесная живность, просыпаясь, наполняла лес разнообразными звуками. Да недалече расположенный русский стан извещал о своём присутствии обычным набором звуков лагерной жизни.

Когда все снова были в сборе, войсковой старшина Дурында, подбоченись, торжественно объявил:

- К осмотру свёртка приступить, - начальник присел и стал внимательно осматривать свёрток.

Не прошло и пары секунд, как он объявил о первом открытии:

- Ого, братцы, тут даже андийку для сего дела не пожалели! – при этих словах у казаков загорелись глаза, ибо ценность сей вещи известна была всем, и всем она была также недоступна, как рубин из короны индийского султана. - А ты хотел такую знатную вещь испортить, - при сих словах Дурында с укором посмотрел на Семёна. - Развернём-ка мы сей подарочек аккуратненько.

- Давайте всё же я! - опять вперёд вылез нетерпеливый Семён Галушко, ибо эта неспешность его крайне раздражала, и он не понимал, зачем так долго возиться с этим пустяковым делом. Андийка и ему бы не помешала, но раз начальство здесь, то нечего на неё роток разевать. Что ж тут о чужом имуществе заботиться.

- Сам, - отмахнулся от него Дурында, и строгим начальственным взором посмотрел на горячего подчинённого, что, впрочем, того совсем не смутило.

Убедившись, что желающих лезть поперёк батьки больше нет, Дурында достал нож и снова склонился над свёртком. Он аккуратно избавился от пут и развернул бурку. Его взору явилось худощавое тело в какой-то рванине, да амбре потянуло, как из помойной ямы. Старшина так и замер.

- Да что там такое?! – за всех крикнул всё тот же Галушко, и полез вперёд, ловко расталкивая локтями товарищей, чтобы наконец удовлетворить своё любопытство.

Начальник встал и посторонился, чтобы и его бойцы могли лицезреть то, что скрывал свёрток. Казаки так же, как и их старшина, в немом изумлении воззрились на тело.

- Да это же Прохор! – через минуту воскликнул один из казаков, тем самым нарушив вакуум тишины, который, казалось, навсегда поглотил казачий дозор. Все тут же загалдели, зашумели, заспорили. Старшина Дурында решительно отодвинул толпу, и вновь внимательно посмотрел на человека, который лежал на развёрнутой бурке. Тут же снова повисло молчание. Остальные ждали, что скажет их начальник.

- Точно, он! – удивлённо согласился Дурында. - Прохоров Евсей Павлович, войсковой есаул Донского войска.

- А он хоть жив? – с сомнением спросил любопытный Сенька, ибо человек, лежащий перед ним, был больше похож на скелет, выкопанный из могилы, чем на живое существо.

Словно в ответ на его вопрос, спасённый открыл глаза и посмотрел на окружающих его людей.

- Жив! – тут же радостно воскликнул Галушко.

- Смотри, и вправду жив-живёхонек! – подхватил радостный возглас ещё один казак, и зачем-то добавил: – А то упорно ходили слухи, что он-таки стигнул безвозвратно в той горячей схватке у речки Бурной.

Человек на бурке растерянно смотрел на людей и улыбался. Спасённый слышал русскую речь, родную, понятную, но всё ещё не смел надеяться, что его мытарствам пришёл конец, да ещё и такой счастливый. От избытка нахлынувших чувств, от звука родного голоса его разум помутился, и он в какой-раз за сутки потерял сознание.

- Что ж вы разорались, горлодёры! – гаркнул старшина Дурында на казаков. И уже более спокойно добавил: – В нём же душа еле теплится, а вы того и глядите спугнёте её своими воплями. Хватить зырить да гуторить! Давайте его в лагерь несите, да поаккуратнее там!

Стоило дозору вернуться с «подарком» в лагерь, как весть о чудесном спасении казака Прохорова тут же разнеслась по всему стану. Словно искра, случайно попавшая на соломенную крышу дома, новость разгоралась и перекидывалась от одной палатки до другой. Не прошло и получаса, как все в лагере были в курсе последней новости. Как и положено, передаваясь из уст в уста, весть эта обрастала всё большими подробностями, одна фантастичнее другой. Ибо каждый находящийся в лагере солдат норовил

пойти и удостовериться, что казак и вправду жив, хотя до этого с есаулом Прохоровым не встречался и личной озабоченности не имел. Удостоверившись в наличии спасённого, ходок тут же непременно вверял свою подробность – уж не важно, домысел это или какой факт – в уже слышанное, и спешил поделиться новостью ещё с кем-то.

А причина сему поведению была в том, что каждый в тайне надеялся, что ему одному удастся выхватить из бреда спасённого казака ключ к тайне его свободы, и тем войти в историю. А посему стыдно было возвращаться с пустыми руками, и каждый стремился чем-то оправдываться. Ибо никто в лагере не сомневался, что спасение есаула дело рук всем известного Турпала...

Да-да, Турпал. Так его прозвали горцы, что по-русски значит Герой. По всему Кавказу в последнее время только и говорили, что о неуловимом богатыре, спасающем русских из плена. И уж как только не изловчался горский народ сбережь пленников, на какие только ухищрения ни шёл, чтобы расставить ловушки непрошеному спасителю, всё было без толку. Если Турпал решался на похищение, ему обязательно это удавалось. Чудесные истории разлетелись по всему Кавказу, словно перелётные птицы, а после, покинув родные горы летели дальше: в Россию, на турецкий берег, в страну персов. Разговоров было много, а толку мало. Никто так и не смог приблизиться к разгадке тайны его личности. Но от этого желающих узнать или изловить Турпала меньше не становилось. Ни на русской стороне, ни среди разноязычного населения Кавказских гор.

Пока лагерь жужжал, словно рой разбуженных диких пчёл, осознание наступившей свободы вызвало у спасённого нервный припадок, и несчастный окончательно впал в бессознательном состоянии. Он даже перестал бредить, и стал больше похож на покойника. Только, приблизившись к нему вплотную, можно было различить тихое дыхание больного.

Прошло несколько дней прежде чем начальник лагеря полковник Осоедов приказал отправить спасённого в ближайшую расположенную к ним крепость Каменную. Он был бы рад сразу избавиться от этого беспокойного элемента. Ибо вся эта история нарушила порядок в вверенном ему хозяйстве и грозила сорвать все планы, за результаты которых с него ещё обязательно спросят. Но слишком важным был объект, и посему ему пришлось сначала удостовериться, что больной перенесёт дорогу, а уже после под надёжной охраной отправлять в крепость.

В крепости Каменной искусство медиков да надлежащий уход постепенно возвратили казаку Прохорову рассудок, и отчасти даже

здоровье. И пока он приходил в себя и набирался сил, сам генерал-лейтенант князь Алессандро Татиани, не раздумывая, изъявил желание лично поговорить со спасённым. К нему он спешно и направился из Владикавказа, где находился по делам.

А причина сей поспешности была в том, что в душе у князя давно происходил тяжёлый разлад. И разлад сей был делом рук того самого таинственного Турпала, давно своими подвигами внёсшего хаос в жизнь Кавказского края. История давняя, и пока не законченная. А сверху давили и требовали скорейшего разрешения ситуации. Тут же вроде как вырисовывалось долгожданное решение. Как тут не поспешить и не скинуть, наконец, давно затянувшуюся проблемы со своих плеч! И так дел хватало и без этой мистической оказии.

То, что это дерзкое предприятие свершил не кто иной, как неуловимый Турпал, генерал не сомневался ни на йоту. Он рассуждал так. «Уже прошло более года, как пропал есаул, а его поиски по горячим и даже уже остывшим следам не увенчались успехом: на месте битвы его тело обнаружено не было, и шукание по аулам тоже ничего не дало. Посему его посчитали сгинувшим безвозвратно. Тут же на поверку оказывается, что он жив-живёхонек и всё это время где-то находился. А обнаружили его, уже свободного, в лесу у аула Чоага-Юрт». Как человек сметливый, Татиани сразу уразумел, что кроме как в этом самом ауле нигде быть и не могло казака Прохорова. Ведь место глухое, отдалённое. Русских здесь отродясь не бывало, да и среди горских народов мало кто сюда хаживал. К тому же время беспокойное, военное. Кругом, куда ни глянь, дозоры да пикеты секретные, войска передвигаются туда-сюда. Долго с поклажей, да ещё незаметно, идти невозможно. Тем паче с человеком. Да к тому же по предоставленному отчёту он уже знал, в каком состоянии находился казак Прохоров во время обнаружения: скелет человеческий, кожа до кости, еле душа в теле. Разве смог бы он перенести дальнюю дорогу? Да и стал бы возиться Турпал с обузой? Нет. Не в его это характере.

И тут по его рассуждению в душе Татиани затеплилась надежда. Ведь если казак из аула Чоага-Юрт, то, чем чёрт не шутит, может он дорогу заповедную в эту горскую твердыню приметил. Уж очень это упростило бы ему задачу по покорению дерзкого аула. То-то бы удивились горцы, увидев по утру русских не где-нибудь, а в своих родных пенатах!

Другой поворот события генерала тоже бы вполне устроил. Это если есаул запомнил черты Турпала, самые приметные, или даже рассмотрел его лицо. Не менее, чем покорить дерзкий аул, генералу надо было изловить новоявленного кавказского Героя.

Прибыв в крепость Каменную, генерал-лейтенант князь Алессандро Татиани тотчас поинтересовался, достаточно ли здоров спасённый, чтобы можно было бы с ним поговорить. Получив положительный ответ, князь тут же поспешил в лазарет.

Казак Прохоров, увидев генеральские эполеты на входящем, по привычке попытался встать и отдать честь. Татиани, положив руку на плечо казака, ласково заставил того опуститься обратно на кровать. Присев подле кровати больного на стул, он сказал:

- Полноте, голубчик, лежите. Не на параде чай. Рано вставать, рано. Я генерал-лейтенант князь Алессандро Татиани.

- Войсковой есаул Донского войска Евсей Павлович Прохоров, Ваше Превосходительство, - в ответ представился казак, при этом понимая, что генералу давно всё известно – и имя его, и звание, да и вся его биография в придачу.

- Как же, как же тебе удалось бежать, голубчик? – нетерпеливо бросил князь, забыв даже, по этикету, хотя бы поинтересоваться состоянием здоровьем у больного.

Казак потупился.

- Что молчишь, братец? Что скрываешь? – допытывался Татиани, не боясь даже нечаянно выдать свою меру своего отчаяния.

Казак Прохоров нахмурил брови. С одной стороны, ему было неприятно, что после стольких перенесённых страданий его в чём-то подозревают. С другого бока было очень стыдно. Лёжа в уютном лазарете, он уже не раз пытался собрать цельную картину из тех обрывочных воспоминаний, что он имел. Но, к своему ужасу, с каждой новой попыткой всё выходило только хуже. Там, в глубинах памяти, были только неясные размытые полоски, лоскутки, которые никак не желали сшиваться в цельное полотно. Они рассыпались, рвались, истончались. И будущее полотно всё больше покрывалось дырами да прорехами. Было горько от того, что он, бывалый казак, не смог запомнить ни одной детали. А ведь это было так важно! Прохоров поднял глаза и увидел вокруг себя людей, которые в нетерпении ждали от него ответа. Молчанием тут не отделаешься. Надо было что-то говорить. Пусть даже это будет признание в том, что он оплошал и ничего не запомнил. Ожидая разноса, есаул тихо, вновь потупив очи, молвил:

- Я ничего не помню, Ваша Превосходительство...

- Не может того быть! – воскликнул Татиани и даже вскочил со своего места. – Не может быть, чтобы ты вообще ничего помнил!